

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

.....

Е.А. Кожемякин*

1. Теоретико-методологические предпосылки применения дискурс-анализа

Обращение сразу нескольких отраслей знания (философии, социологии, политологии, психологии, культурологии) к анализу языка и речи закономерно и симптоматично. Сегодня мы являемся свидетелями того, как «движение к внутренним структурам языка» разворачивается в противоположном направлении: от изучения *языковой действительности*, языка в широком понимании переходят к изучению роли языка в конструировании социального мира, в дискурсивном обосновании повседневности, к анализу дискурса как идеологического инструмента, как способа упорядочения социальных отношений, (вос)создания социального порядка и т.д. [17; 22; 25; 40]. По существу, появляется новый предмет для исследования. Раньше предметом лингвистики считали язык как автономную сущность, обладающую объективными, не зависящими от человеческого сознания признаками, структурой и связями. Современному социогуманитарному знанию важно изучать средства и поля реализации языка в антропологическом и социальном измерении, а также выработать новые базовые категории, которые отвечали бы новейшим исследовательским запросам. Язык в его классическом понимании (система кодов, основание общения) более не отвечает требованиям современных социально-гуманитарных наук и не представляется адекватным объектом анализа. Язык приобретает теперь актуальность, исследовательское значение лишь в контексте своего применения. Уже не принято считать, что язык лишь обслуживает внешнюю деятельность. Теперь полагают, что язык сам непосредственно является деятельностью (а это допущение предполагает автономное существование языка даже не как

* Кожемякин Евгений Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного университета. Электронная почта: kozhemyakin_evge@mail.ru, dva@bel.ru.

конструкта, а как независимой сущности). Иными словами, в контексте современных парадигм рассматривают язык не сам по себе, а в отношении к «тому, что люди делают» (см., например, [27]). Язык стал объектом идеологической критики вследствие того, что теперь он рассматривается как инструмент манипуляции сознанием и нормирования социального поведения. Столкнувшись с «человеческим» измерением языка (т. е. с полаганием его в области желаний, намерений, действий и взаимодействий людей), исследователи выявили, что принципы функционирования и организации языка на абстрактном уровне не проявляются и «не работают» на уровне человеческого взаимодействия. Иными словами, люди используют язык по иным законам, нежели те, по которым он организован. Специфика использования языка зависит от социального, исторического, коммуникативного, экономического и прочих контекстов, а это означает, что язык может быть инструментом достижения определенных целей — социальных, экономических, политических и т.д. [20; 21; 27].

Одновременно полипарадигмальность социально-гуманитарных наук стала отчетливо проявляться в ориентации на разные философские традиции: на классическую философскую мысль¹, с одной стороны, и на лингвоцентристские подходы² — с другой.

Современное состояние социально-гуманитарных наук принято трактовать в терминах не языкового, а дискурсивного поворота в первую очередь в силу неудобной для современных социально-гуманитарных парадигм коннотации термина «язык» в его классическом сосюрловском определении. Язык как структурная, «оторванная от человека» категория не способна отвечать современным представлениям об объекте анализа. Категория «дискурс» призвана, по общему мнению, заполнить методологические и онтологические бреши, поскольку данная категория, во-первых, предполагает практическую человеческую деятельность в качестве объекта изучения, во-вторых, снимает методологические различия между объектом и субъектом исследования³, в-треть-

¹ Интенсивно идет переосмысление «парадигмального диалога» между гегелевской и кантовской методологиями.

² Здесь имеется в виду развитие в первую очередь концепции «здесь-бытия» и языковой онтологии М. Хайдеггера, теории языковой относительности Б. Уорфа, теории языковых игр Л. Витгенштейна.

³ Адаптивность и рефлексивность объекта социально-гуманитарного исследования предполагает, что он обладает сознанием, по большому счету, не отличающимся от сознания исследователя. В данном случае парадоксальным, но крайне важным представляется вопрос о возможности вычленения такого объекта исследования, как человек, если он же является и субъектом. Вопрос звучит следующим образом: можно ли рассматривать онтологию как истинно-человеческую, как «антропоцентрическую», если это требует расщепления между онтологией исследователя и объектом исследования. Дискурс-анализ разрешает эту проблему за счет постановки знака равенства между категорией языка и категорией деятельности: исследовать в дискурс-анализе означает подвергать анализу способ деятельности и в первую очередь — собственный способ деятельности.

их, помогает преодолеть методологическую оппозицию «факт — конструкт»⁴. Столь стремительная эскалация новейшей базовой категории дискурса (равно как трансформации предметного поля социально-гуманитарных исследований) не позволяет дать дискурсу какое-то одно определение.

В дебатах об онтологическом статусе дискурса центральную роль играет противопоставление тексту, реже — языку и речи [11; 37; 41]. Принципиальными различиями между дискурсом и текстом считают следующие: 1) дискурс относится к области лингвосоциального, текст — исключительно лингвистическая категория; 2) дискурс — категория процесса, текст — категория результата; 3) дискурс относится к области актуального, текст — к области виртуального. Рассмотрим их подробно.

1. Дискурс возникает там, где высказывание имеет социальные последствия; текст представляет собой некоторый абстрактный ментальный конструкт, наделенный характеристиками смысловой целостности и грамматической завершенности. Дискурс — атрибут коммуникативно-социального поля, текст — атрибут сознания. Поясним на примере: высказывание «По газонам не ходить!» можно рассматривать и как *элемент дискурса*, и как *текст*. Исследователь дискурса сосредоточится на том, что высказывание относится к *конкретному* действию, которое имеет *социальный* характер и обладает вполне определенным, *ситуативным* практическим смыслом. Оно уместно в пространстве, где есть газон и по отношению к нему есть возможность совершить определенные действия или воздержаться от их совершения — ходить или не ходить. Иначе использование данного высказывания лишается практического смысла. Исследователя текста будут интересовать внутренние связи высказывания и его когнитивный эффект: данное высказывание можно описать как имеющее побудительную функцию с определенными значениями.

2. Дискурс описывается как *процессуальная* категория в силу своей потенциальной незавершенности, текст же мыслится как результат интенциональной деятельности человека. Например, медицинский дискурс включает в себя непрерывающееся воспроизводство высказываний (рецепт, диагноз, врачебные рекомендации, жалоба на здоровье, описание боли и т. д.) и соответствующих им ситуаций, тогда как медицинский текст представляет собой результат деятельности агентов поля медицины. В дискурсивном поле значение высказывания всегда формируется и развивается в процессе воспроизводства дискурсивных элементов: каждое последующее высказывание уточняет, дополняет, воспроизводит, опровергает предыдущее значение. В поле текста значение всегда имманентно внутренней структуре. Иначе говоря, в дискурсе смысл сказанного — всегда в последующих высказываниях, в то время как в тексте

⁴ Дискурс одновременно является и фактом человеческой реальности и конструктом: то, что говорится в определенном социальном контексте, является элементом фактической социальной реальности и имеет конкретные социальные последствия.

смысл — в том, что уже сказано. У дискурса диалогичная и полифоничная природа, у текста — монологичная.

3. Дискурс *актуален*, т. е. соотносится с положением вещей «здесь и сейчас», с конкретными условиями деятельности, с практическим смыслом; или иначе, дискурс имеет отношение к той ситуации, когда *реальное* высказывание соотносится с *реальными* последствиями, *событиями* и не обладает статусом самостоятельности. Текст — *виртуален*, т. е. его отличает автономная сущность, он самодостаточен и может не иметь реального референта. Скажем, миф можно рассматривать как текст, обладающий автономной языковой действительностью (например, предание или легенда), и как дискурс, который создается в определенных социальных условиях, ведет к конкретным социальным действиям и обуславливает их (например, мифы современной рекламы и политики).

Таким образом, дискурс от текста отличают следующие характеристики:

- принадлежность к сфере социальных действий (а не к сфере ментальных конструктов);
- функциональность и ситуативность (а не отвлечённость);
- процессуальность (реальное лингвосоциальное речепроизводство, а не оперирование предзаданными ментальными конструктами);
- диалогичность и полифоничность (а не монологичность);
- отнесение к событийности (а не к повторяемости или предзаданности).

Дискурс, обладая перечисленными характеристиками, актуализирует язык (как абстрактную знаковую систему) и тексты (как абстрактные ментальные конструкты). Дискурс как актуализирующая практика является утилитарным выражением языка и текстов, корпусом конкретных условий и правил смыслообразования. Анализ дискурса, в отличие от анализа текста и анализа языка, позволяет исследовать жесткую связь между содержанием интерпретативного потенциала дискурса и значимыми социальными категориями, выступающими как предмет обсуждения и одновременно как способы суждения и аргументации [14].

Дискурс вбирает в себя все случайные, ситуативные, специфические свойства, обусловленные конкретными социальными агентами, действующими в конкретных социальных условиях.

Формула «дискурс = текст + контекст + деятельность» подразумевает:

- единство переданного конкретными семиотическими средствами целостного смысла и социальной ситуации;
- актуализацию языка в определенной социальной ситуации;
- наделение текста статусом социального события;

– языковое конструирование социальной реальности в самом широком смысле⁵.

Рассмотрим обстоятельства, которые делают очевидной связь между дискурсом и полем социального.

1. Интерактивность (диалогичность) дискурса предполагает знание участниками обобщенной модели референтной ситуации (которая наделяет дискурс смыслом), а такая модель с неизбежностью относит нас к *разделяемым коллективным представлениям, ценностям, практикам, общему пониманию типичных ситуаций*. Общность знаний позволяет посредством дискурса конститuirовать факты как социальные события⁶, т. е. наделять происходящее особой значимостью, распознавать некоторые действия как значимые, оценивать те или иные явления. Всё это предполагает наличие общего для группы людей поля представлений, *ценностей, практик*.

2. Дискурс функционирует в социальном взаимодействии, а потому для его производства необходимы общие фоновые знания о правилах взаимодействия и стандартах коммуникации.

3. Социальные агенты в контексте любой социальной практики *репрезентируют* другие практики, а также воспроизводят рефлекссию о значимости, смысле и содержании собственной практики (т.е. той, в поле которой они находятся в конкретный момент и которая дискурсивно актуализируется). Социальные агенты «реконтекстуализируют», помещают в новый социальный контекст знакомые им практики. Это значит, что различные агенты будут по-разному репрезентировать одни и те же практики в зависимости от того, как они позиционируют себя в собственной практике. Роль дискурса в данном случае велика: дискурс выполняет функцию социального конструирования практик, он как бы придаёт форму социальным явлениям и ситуациям, репрезентирует их в некоторой значимой символической форме.

В настоящее время термин «дискурс» употребляется в нескольких значениях и применительно к различным объектам. Предлагаемая нами парадиг-

⁵ Под языковым конструированием социальной реальности понимается специфическая способность дискурса не отражать социальную реальность, а активно воссоздавать её. В конструировании выражается активность дискурса, его продуктивный характер. Активность, агентивность дискурса предполагает, что система кодов и значений, содержащаяся в дискурсе, порождает конкретные социальные практики; иными словами, люди действуют в том режиме, который «задаётся» им дискурсом; социальный мир проектируется и моделируется в дискурсе; дискурс даёт нам сценарий чувств, действий, оценок, сценарий того, как и что делать, хотеть и говорить.

⁶ Различение факта и события отсылает нас к концепции М. Бахтина: фактом признается самоочевидное положение дел, «естественный», само собой разумеющийся фрагмент действительности; событие понимается как факт, наделенный значением уникальности, маркированный факт, некое положение дел, признающееся и расцениваемое как отклоняющееся от «нормальной логики фактов». Категория события является не холистской, но феноменологической, поскольку отражает свойство человеческого сознания систематизировать и иерархизировать действительность в соответствии с особой системой значений и смыслов.

мальная классификация трактовок модифицирует типологию М. Макарова [11, с. 83–99].

Формальная трактовка. Дискурс рассматривается как категория естественной устной или письменной речи — как относительно завершенное в смысловом и структурном отношении речевое произведение, длина которого варьируется от синтагматической цепочки двух и более высказываний до содержательно-цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции). Эта трактовка характерна для структуралистских подходов, в основном лингвистических теорий [15; 18; 34].

В *ситуационной трактовке* акцент ставится на прагматике реализации высказываний и их обусловленности культурными, социальными и психологическими факторами [31; 33]. Данное определение характерно для прагматических теорий как в лингвистических (см., например, [31; 33; 41]), так и в социологических (см., например, [1; 20; 24]), семиологических (см., например, [10; 25]) и психологических (см., например, [38]) дисциплинах.

В *функциональной трактовке* дискурсом обозначается любой способ использования языка в социальном контексте. Хотя идеи формального подхода прочно внедрены в европейскую социально-гуманитарную традицию, функциональный подход в последние десятилетия занимает твёрдые позиции в Европе и России. Этот подход встречается в функционалистских подходах социолингвистических и социологических теорий [17; 22; 25; 39].

Согласно *идеологической трактовке*, дискурс рассматривается как корпус предписаний, правил, требований и их практического выражения в целях рационализации, оценивания и наделения определенным смыслом социальных фактов. Эта практика использования понятия «дискурс» свойственна критическим подходам философских, социологических и политологических теорий [21; 27; 28]. В контексте этой трактовки наиболее абстрактный смысл понятия «дискурс» заключается в том, что оно относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре. Здесь можно говорить о дискурсе как о социальной формации, например, «коммунистический дискурс», «буржуазный дискурс» или «организационный дискурс». В этих же случаях — по аналогии с социологическими понятиями «общественно-экономическая формация» или «социальный порядок» — говорят о «дискурсивной формации» или «дискурсивном порядке» [21].

Перечисленные основные трактовки дискурса свидетельствуют не столько о разнообразии возможных научных парадигм и исследовательских точек зрения, сколько о многоаспектности и многопараметральности дискурса как предмета научного анализа. Исходя из приведенных трактовок дискурса, можно выделить следующие его аспекты:

- 1) синтаксические и стилевые характеристики языка дискурса;

2) онтология дискурса (типы объектов, виды детерминации одних объектов другими, способы существования этих объектов);

3) семантика языка дискурса (способы связи знаковых форм языка дискурса с их предметными значениями, связи языковых выражений по их смысловому содержанию);

4) когнитивные структуры дискурса (формы и методы реализации познавательных целей — описание и объяснение фактов, формирование и обоснование гипотез, прогнозирование, а также логические средства дискурса);

5) прагматика дискурса (типологические характеристики возможных адресатов (реципиентов) и адресантов (авторов) дискурса, разновидности его коммуникативных тактик, цели и задачи речевых актов);

6) дискурсная рефлексия (наличие двух уровней речи (языка): высказывания об объектах внетекстовой, экстралингвистической реальности — предметный дискурс, и высказывания о языке, тексте, смысловом и предметном содержании — метадискурс).

Аспекты 1 и 3 соответствуют формальной трактовке дискурса, 2, 4 и 5 — ситуационной, 2, 5 и 6 — функциональной, 1, 4 и 5 — идеологической. Из этого видно, что дискурс является предметом междисциплинарного анализа, поскольку только комбинация трактовок дискурса (и подходов к его изучению) позволяет рассмотреть все его аспекты.

2. Предмет дискурс-анализа в разных его версиях

Далее на примере наиболее влиятельных версий дискурс-анализа продемонстрируем специфику предмета, свойственную различным методологическим подходам.

Марсель Мосс: символизация социальной сферы. Одной из наиболее значимых версий описания коммуникативных механизмов явилась теория архаического дара М. Мосса. В ней область коммуникации понимается как исключительно символическая сфера, предполагающая распознавание направленности Другого на меня, символизацию обмена, означивание любого проявления моего отношения к Другому. Символика взаимодействия проявляется во всех сферах жизни человека, начиная с эмоциональной сферы⁷ и заканчивая воспитанием⁸. Любой коммуникативный акт может быть понят как взаимодействие, направленное не на порождение или трансляцию смыслов, а на актуализацию смысла существующего, на реконструкцию множества его символов. Что бы ни делал человек, он подразумевает одно — следование определенным нормам

⁷ «Свои собственные чувства не просто проявляют, их проявляют для других, поскольку они должны быть выказаны. Их проявляют для самого себя, выказывая их перед другими и для сообщения другим» [12, с. 82].

⁸ «Процесс воспитания ребенка полон мелочей, однако они все важны» [13, с. 309].

и требование соблюдения этих норм другими. Соответственно каждое высказывание будет стремиться к идентичности с действием, поскольку усиление действия высказыванием делает действие более реальным.

Символизация социальной сферы требует детализации, каждый символ включает в себя элементы, которые могут оказаться более важными для «поддержки» общего смысла, к которому относится символ. В любом нормирующем высказывании нет ничего лишнего, всё обусловлено подчинением одной главной идее — традиционно-ритуальному со-бытию. К. Леви-Стросс вторил М. Моссу: «Исследование проекции социального на индивидуальное должно предельно глубоко рассматривать привычки и формы поведения; в этой области не бывает ничего пустого, беспричинного» [9, с. 410].

Таким образом, М. Мосс указывал на проникновение дискурса во все сферы жизни человека — на ее тотальную идеологизацию и рационализацию. Интерпеллирующая функция идеологии может пониматься в контексте идей М. Мосса как «добровольное» самововлечение индивидов в нормативную сферу, самоорганизация нормативного поля социальных связей, самоорганизация социальных регулятивных механизмов. Расширение и умножение социальных связей рассматривается в теории Мосса как увеличение числа символов, поддерживающих один смысл.

Пьер Бурдьё: дискурс как средство легитимации власти. П. Бурдьё относил процесс создания социальных (культурных) смыслов непосредственно к сфере власти. «Символическая власть» понимается Бурдьё как интерпеллирующая деятельность, осуществляемая с помощью знаков, символов, которые способны производить социальные отношения [1, с. 90]. Причем производство подобных отношений осуществляется исключительно с помощью дискурса: «Известно, что любое использование силы сопровождается дискурсом, нацеленным на легитимацию силы того, кто ее применяет» [1, с. 194]. В данном случае мы вновь выходим на проблему усиления вербальной компоненты поведения.

Дискурс как средство легитимации власти обращается к структурам, которые обусловлены культурой. Идеология, с точки зрения П. Бурдьё, предоставляет индивиду возможность «неизбежной импровизации бытовых стратегий» vs «механической цепи обязательных поступков» [1, с. 219], причем такая импровизация направлена на поддержание идеологического смысла на бытовом, повседневном уровне с помощью своего рода «символического капитала» [2, с. 219–235]. Таким образом, нормативный дискурс проникает на более глубокие вербальные уровни — уровни обыденного культурного сознания. «Система производства культурных благ... выполняет, по самой логике своего действия, идеологические функции — в силу того, что механизмы... остаются скрытыми»; и далее: «самые верные идеологические эффекты — это те, которым для своего осуществления требуются не слова, а... замалчивание» [1, с. 263].

Однако культурные повседневные структуры — социальная память, культурные тексты, социокультурные коды и те образования, в которых эти структуры представлены, — противостоят и вступают в конфликт с социально-идеологическими эффектами. В первую очередь это объясняется двойственностью реально-поведенческой сферы, которая представлена взаимоисключающими институционализированными и бытовыми действиями. Поскольку «смысл символа определяется лишь в действиях и через действия, в которые он привносится» [1, с. 505], то реальное поведение на повседневном уровне предполагает как легитимацию смысла, так и легитимацию символа. А эти два процесса принадлежат различным сферам: первый — прерогатива идеологии, второй — область культуры. Учитывая, что действие может быть ориентировано на оба процесса одновременно (процесс ухаживания может являться и идеологическим механизмом поддержания института брака, и культурным механизмом реализации экзистенциальных потребностей), сфера повседневной культуры можно представить как «неопределенную», «размытую», «двойственную» область борьбы габитусов, норм и экзистенциалов [1, с. 506–509].

Жиль Делёз: мир шизофренического дискурса. По Ж. Делёзу, в этой области борьбы господствует «шизофренический дискурс» — вербальное поведение, дегенерирующее официальный язык, официальную логику и официальные способы аргументации. «Шизоидная личность» понимается Делёзом как «социально отверженная личность» [4], неспособная, в контексте наших рассуждений, отнести доступные когнитии закрепленным за ними денотатам, а доступные смыслы соотнести с известными смыслами. «Недостаточно сказать, что шизофренический язык определяется неустанным и безумным соскальзыванием ряда означающего с ряда означаемого. Фактически вообще не остается никакого ряда» (цит. по [7, с. 337]).

Мир «шизофренического дискурса», по Делёзу, есть неизбежное, желаемое и непродолжительное состояние «реальной культуры». Достижение этого состояния — следствие разрешения двойственности и неопределенности ситуации борьбы вокруг символического и смыслового. Свойством же дискурса Делёз также признает актуализацию «главного» идеологического смысла в повседневных символических образованиях. «Вопрос уже не в том, чтобы конкретизировать правило, но в том, как придать ему ту живость, которой ему недостает. <...> Мало с помощью воображения детализировать возможные ситуации распространения (правила); такое распространение должно само стать реальной ситуацией» [3, с. 43]. Идеология «состоит не в изменении человеческой природы, а в изобретении искусственных объективных условий — таких, чтобы дурные аспекты этой природы не одержали верх» [3, с. 43]. При этом нежелательные для идеологии «аспекты человеческой природы» представлены культурными архетипами, которые в ситуации конфликта с нормативным дискурсом трансформируются в «шизофренический язык». Можно утверждать,

что весь академический опыт Ж. Делёза направлен на изучение этого априори безуспешного соскальзывания [4, с. 399–400] рациональной культурно-идеологической коммуникации в область того, что обозначалось французским философом как «шизофрения». «Регуляция поведения», по Делёзу, есть попытки идеологии и культуры предотвратить это соскальзывание с помощью производства либо «бестелесного смысла», либо «бестелесного символа» [2, с. 21].

Жак Деррида: децентрация логоса в повседневности и идеологии. У Ж. Деррида конфликт между знаком и значением, когницией и денотатом, между идеологией и повседневностью подразумевает «различение», благодаря которому «движение означивания оказывается возможным лишь тогда, когда каждый элемент, именуемый наличным и являющийся на сцене настоящего, соотносится с чем-то иным, нежели он сам, хранит о себе отголосок, порожденный звучанием прошлого элемента, и в то же время разрушается вибрацией собственного отношения к элементу будущего» [19, р. 13].

«Различение», по Деррида, представляет собой распад абсолютного смысла на множество неидентичных друг другу значений, но обязательно сосуществующих. Отсюда можно сделать вывод, что дискурс как инструмент распространения «абсолютного» смысла разрушается при столкновении с возможностями индивидуального декодирования этого смысла. Коммуникация здесь выступает как бесформенная трансляция ничего не означающих символов, когниций, лишенных денотата, при этом адресат предпринимает тщетные попытки по приписыванию «практического» смысла символам и по поиску необходимого денотата. Поскольку денотат не может быть адекватно определен, то личностный, приписанный адресатом смысл любого полученного сообщения является коннотацией, «со-значением», фантазийным элементом.

Любая попытка найти смысл, сохранить символ, стабилизировать ситуацию «различения» — достаточное основание для того, чтобы сохранять и поддерживать противостоящие друг другу культурные и идеологические образования. Сохранение разрыва между культурными и идеологическими образованиями Ж. Деррида считал необходимым для сохранения субъектной позиции исследователя при осуществлении деконструкции (здесь позиция Ж. Деррида принципиально отличается от позиции Ж. Делёза [2]).

Характерной чертой современного состояния европейской цивилизации Деррида и его последователи видят децентрацию дискурса — исчезновение в нем единого смыслового центра, замещение совокупности денотатов совокупностью коннотаций, «распыление мифологем» [8]. Исчезает и субъект (агент, ауктор). Как следствие, один и тот же символ теперь может иметь бесконечное число смыслов; один и тот же смысл может вкладываться в бесконечное число символов, из-за чего возрастает недоступность индивидуального стиля, формируется всеобщая практика пастиша как «нейтральной практики стилистической мимикрии без скрытого мотива пародии» [26, р. 114]; возрастает

роль виртуального как воображаемой семиотической сферы, которая лишена субъекта деятельности [6, с. 72] и в которой «можно быть кем угодно и при этом успешно справляться со своей ролью» [6, с. 54]; появляется «симуляционное пространство». Очевидно, что механизмы культуры и идеологии сохраняются, но также очевидна и их дисфункциональность, вызванная нарушением собственных границ, интерфункциональностью, при которой повседневность стремится выполнять функции идеологии и, наоборот, идеология выполняет функции повседневности. Дисфункциональность повседневности и идеологии — следствие попыток каждой из них сохранить свое влияние через установление баланса между знаком и значением, с одной стороны, и дискурсивной и недискурсивной практиками — с другой.

Юрий Михайлович Лотман: автокоммуникация и бесконечность кодов. Семиотическая модель коммуникации Ю.М. Лотмана демонстрирует механизм деконструкции границ между означаемым и означающим на примере автокоммуникации, в рамках которой любое сообщение может и должно приобретать некий новый смысл, еще не будучи артикулированным. Передача сообщения подразумевает не что иное, как трансформацию личностных структур, смену идентичностей говорящего, возможную благодаря «сдвигу контекста» и введению второго добавочного кода [10, с. 26].

Денотат всегда подразумевает использование серии средств для его обозначения говорящим. «Стул» никогда не будет означать только тот предмет, который мне знаком и который я себе представляю; он будет также моделироваться мною как потенциально «не-мой», «твой», как то, что я вкладываю в содержание чужой когниции «стул». Коммуникация, по Лотману, соотносима с любым явлением культуры, которая ориентирована на генерирование бесчисленного количества кодов для ограниченного количества явлений и предметов. Эта генеративность культуры обусловлена коммуникативной человеческой природой и гибкостью её идентичностей.

Критический дискурс-анализ: дискурсивные формации и легитимация значений. Одним из наиболее перспективных направлений исследований дискурса на сегодняшний день является критический дискурс-анализ, базирующийся на идеях основоположника дискурс-анализа — Мишеля Фуко. Он определял дискурс как экспрессивную форму человеческого поведения, предполагающую использование языка для создания и воспроизводства значений и целей, конструирования социально значимого знания, здравого смысла, а также для поддержания истины и власти. Такая трактовка неизбежно приводит к анализу метанарративных образований, обладающих потенциалом для воспроизводства социального порядка. К концу 1980-х гг. распространилось понимание того, что дискурс не описывает мир, а формирует, конституирует и конструирует его, является инструментом познания и самовыражения [24; 29; 30; 38].

Общим местом (и это также является эффектом фукольтианской теории дискурса) стал тезис о том, что дискурс, институционализируясь, становится «дискурсивной формацией» — использованием языка в конкретных социальных условиях для достижения экономических, политических и социальных целей. Дискурс всегда зависим, с одной стороны, от социокультурных влияний и, с другой стороны, от экономических интересов, поскольку именно они управляют его производством и распространением. Господствующие (культурные, социокультурные, политические) режимы посредством дискурса легитимируют полезные для защиты своих интересов социальные и социокультурные смыслы. Дискурс-анализ «вскрывает» и интерпретирует условия и способы производства господствующего дискурса. Он является разновидностью анализа «скрытых и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, представленных в языке» [39, p. 187].

Таким образом, определение дискурса предполагает наличие идеологической составляющей, а следовательно, дискурс-анализ должен уделять особое внимание изучению таких когнитивных явлений, как знания, верования и представления, факт, истина и ошибка, мнение и оценка. Идеология как макросоциальный феномен, как коллективная репрезентация действительности воспроизводится в дискурсе. Анализ идеологии можно осуществлять посредством дискурс-анализа, поскольку идеология выражается и воспроизводится в социальных практиках посредством семиотических механизмов. В отличие от большинства социальных практик и семиотических кодов, свойства дискурса позволяют нам формулировать и выражать абстрактные идеологические верования самым непосредственным образом. Члены социальных групп в процессе коммуникации напоминают новичкам и членам других групп о своей идеологии, тем самым защищая свои группы. Идеологическая интерпелляция, таким образом, осуществляется в дискурсе.

Развивая идеи Фуко, неомарксист Н. Фэркло и лингвист Т. ван Дейк в контексте своего подхода проанализировали дискурсивные способы инкорпорирования образов, практик и языка в «социальное и личное тела», равно как и специфику функционирования дискурсов как инструментов власти — инструментов установления и распространения отношений подчинения и господства внутри социальных групп и в межгрупповом взаимодействии. Являясь средством распространения и воспроизводства социального порядка, дискурс предопределяет, чьи интересы должны превалировать и кто будет занимать привилегированное социально-политическое положение в определенном культурном контексте. При таком понимании целесообразно говорить о «дискурсивном порядке» как схеме социального упорядочивания [21].

Основываясь на традициях критической лингвистики, критический дискурс-анализ базируется на представлении о языке не как об обычном средстве коммуникации, а как о способе упорядочивания социальной деятельности.

Иными словами, язык конституирует социальное действие, представляя собой пространство создания и изменения смыслов.

В работах, посвященных результатам критических исследований Т. ван Дейка 1980-х гг., предлагается понимание дискурса как основной составляющей социокультурного взаимодействия, характерные черты которого — интересы и цели. Под дискурсом также понимается взаимодействие между языком и действительностью, которое обеспечивает миропонимание. Ван Дейк обращает внимание на значимость не столько самой социальной ситуации как таковой, в которую попадают агенты действия, сколько ее интерпретации или представления о ней у участников коммуникации. Тем самым подчеркивается важность интерпретативной позиции в рамках дискурс-анализа.

Резюме

Дискурс-анализ в современных социально-гуманитарных науках как относительно новая область научных исследований представляет собой междисциплинарное поле для поиска ответов на ключевые теоретические, методологические и эмпирические вопросы: какова степень языковой обусловленности социальной реальности? действительно ли можно говорить о формировании реальности нового типа — дискурсной? какова позиция субъекта в дискурсном поле? как порождается знание и транслируется власть с помощью дискурсивных практик? какова специфика исследовательской позиции при изучении дискурса?

Современное социально-гуманитарное знание содержит подробные описания разнообразных условий и аспектов функционирования дискурса, так сказать, различных «дискурсивных пульсаций», что, безусловно, является солидным базисом для построения общей теории дискурса. Генерализованное видение дискурса ещё не выработано, а значит, построение единой модели дискурса, совмещающей в себе все релевантные измерения и переменные, является одной из перспективных задач исследований дискурса.

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
2. *Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Логос, 1995.
3. *Делёз Ж.* Эмпиризм и субъективность: Опыт о человеческой природе по Юму. М.: ПЕР СЭ, 2001.
4. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М.: Наука, 1990.
5. *Деррида Ж.* Позиции. М.: Наука, 1996.
6. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
7. *Ильин И.* Постмодернизм. Словарь терминов. М.: Интрада, 2001.
8. *Косиков Г.К.* Ролан Барт — семиолог, литературовед // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

9. *Леви-Стросс К.* Предисловие к трудам Марселя Мосса // *Мосс М.* Социальные функции священного. М.: Евразия, 2000.
10. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996.
11. *Макаров М.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
12. *Мосс М.* Обязательное выражение чувств (Австралийские погребальные словесные ритуалы) // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М.: Наука, 1996.
13. *Мосс М.* Социальные функции сакрального // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М.: Наука, 1996.
14. *Паршин П.Б.* Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm. Архив 23 марта 1999.
15. *Сусов И.П.* Общее языкознание. Тверь: ТГУ, 1997.
16. *Austin J.L.* How to do things with words. Oxford: Blackwell, 1962.
17. *Chouliaraki L.* Media discourse and national identity: death and myth in a news broadcast // *The semiotics of racism: approaches in critical discourse analysis* / M. Reisigl, R. Wodak (eds.). Wien: Passagen, 2000.
18. *Coulthard M.* Introduction to discourse analysis. L.: Sage, 1985.
19. *Derrida J.* Marges de la philosophie. P.: Minuit, 1972.
20. *Dijk T. van.* Discourse as social interaction: a multidisciplinary introduction. L.: Sage, 1997. Vol. 1.
21. *Fairclough N.* Critical discourse analysis. L.: Longman, 1995.
22. *Fairclough N.* Discourse and social change. Cambridge: Polity Press, 1992.
23. *Grice H.P.* Meaning // *Readings in the philosophy of language* / Ed. by J.F. Rosenberg, Ch. Travis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1971.
24. *Hall S., Hobson D., Lowe A., Willis P.* Culture, Media, Language. L.: Hutchinson, 1980.
25. *Hodge B., Kress G.* Social semiotics. Cambridge: Polity Press, 1988.
26. *Jameson F.* Postmodernism or the cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press, 1991.
27. *Laclau E.* The death and resurrection of the theory of ideology // *Journal of political ideologies*. 1996. Vol. 1. № 3.
28. *Mouffe C.* Feminism, citizenship and radical democratic politics // *Feminists theorize the political*. L.: Routledge, 1992.
29. *Pecheux M.* Language, semantics and ideology. L.: Macmillan, 1982.
30. *Potter J., Reicher S.* Discourses of community and conflict: the organization of social categories in accounts of a 'riot' // *British J. of Social Psychology*. 1987. Vol. 26. №1.
31. *Schegloff E.A.* Between micro and macro: contexts and other connections // *The micro-macro link*. Berkley: University of California Press, 1987.
32. *Searle J.R.* Speech acts: an essay in the philosophy of language. Cambridge: Polity press, 1969.
33. *Segerdahl P.* Language use: a philosophical investigation into the basic notions of pragmatics. Houndmills: Macmillan; N. Y.: St. Martin's Press, 1996.

34. *Sinclair J.* Priorities in discourse analysis // *Advances in spoken discourse analysis* / Ed. by M. Coulthard. L.; N. Y.: Routledge, 1992.
35. *Tannen D.* *Analysing discourse: text and talk.* Washington: Georgetown University Press, 1982.
36. *Thompson J.* *Studies in the theory of ideology.* Cambridge: Polity Press, 1984.
37. *Verschueren J.* (ed.) *Linguistic action: some empirical-conceptual studies.* Norwood: Ablex Pub. Corp, 1987.
38. *Wetherell M., Potter J.* *Discourse analysis and the identification of interpretative repertoires // Analysing everyday explanation.* L.: Sage, 1988.
39. *Wodak R.* *Disorders of discourse.* L.; N. Y.: Longman, 1996.
40. *Wodak R., de Cillia R., Reisigl M.* *The discursive construction of national identity.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.
41. *Yule G.* *Pragmatics.* Oxford: Blackwell, 1996.